

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

ОШИБКА ИМПЕРАТОРА

Теперь уже мало кто помнит, а историки почти не напоминают о том, что российский император Александр I был самодержавным владельцем не только Российской Империи, но и, как минимум, ещё двух государств, притом государств, что очень даже немаловажно, появившихся на политической карте Европы по его собственному благоволению. Именно его решением в самом начале XIX века в 1809 году было создано Великое Княжество Финляндское, а в 1815-м – Царство Польское, и не будь этой самодержавной воли, судьба поляков и финнов могла бы сложиться иначе. Ведь царственная бабка Александра – Екатерина Великая, – приняв после длительных раздумий участие в разделе Речи Посполитой трёх народов, которая теперь у большинства поляков ассоциируется только с Польшей, хотя это была федерация Королевства Польского с Великим княжеством Литовским, Русским и Жмудским, полагала, конечно же, что в истории польской государственности поставлена точка. Его отцу Павлу I, который хотя и милостиво обошёлся с теми, кто противился разделу Речи Посполитой и даже восставал против России с оружием в руках, в частности, с Тадеушем Костюшко, тоже вряд ли приходила в голову мысль о восстановлении Польши. А вот внука Екатерины и сына Павла Александра осенила такая идея. Теперь можно с полной уверенностью говорить, что это решение Александра I было поистине судьбоносным для поляков. Вряд ли существовала бы нынче Польша, а возможно, и белорусское, украинское и литовское государства, если бы царь продолжил политику, начатую его бабкой – Екатериной Великой.

Александр провозгласил Царство Польское тогда, когда закончились наполеоновские войны. Для этого он приезжал в Варшаву. После его смерти польской короной в Варшаве венчался Николай I, младший брат Александра I. Тогда даже отчеканили медаль, на которой был выбит профиль нового русского царя и надпись, гласившая, что Николай является не только Императором Всероссийским, но и королем Польским. Однако это была последняя коронация в Варшаве. Следующие российские императоры провозглашались польскими королями во время главных коронационных торжеств в Москве. Так решил Николай I, против которого поляки взбунтовались в 1830 году, чем подтолкнули его к существовавшему урезанию прав и вольностей шляхты, полученных от Александра I.

Правда, появление Польши и Финляндии на европейской политической карте в начале XIX века имело существенные различия. Польская государственность к тому времени насчитывала уже восемь веков и на исходе XVIII века – ровно за двадцать лет до её возрождения под скипетром Александра I в виде Царства Польского – была приостановлена тремя разделами Речи Пос-

политой. Речь Посполитая довольно долго являлась крупнейшим государством в Европе, а границы её одно время простирались от моря Балтийского на севере до моря Чёрного на юге и почти до Можайска на востоке. Более того, Речь Посполитая какое-то время претендовала даже на подчинение Москвы и окрестных русских княжеств. Во время Великой Смуты войска Речи Посполитой оказались в Кремле, а российским царем московская Семибоярщина в 1610 году назначила польского королевича Владислава. Владислав, хотя его и не успели венчать на царство, поскольку поляки и их союзники были вскоре изгнаны из пределов Московского государства, от царского титула не хотел отрекаться ещё почти четверть века. И даже после вынужденного отказа — в 1637 году — в Речи Посполитой была выбита медаль в честь “побед” Владислава IV над Россией, Турцией и Швецией, на которой польский король держит на цепи трёх собачек и замахивается на них, как Геракл, своей палицей.

Об этом в Польше помнят до сих пор. В сентябре 2011 года польский журнал *Nasz Dziennik* опубликовал статью Юзефа Шанявского “Русская присяга польскому королю”. Она полна бахвальства, но достаточно красноречива, из неё можно привести некоторые выдержки (с сокращениями): “29 октября 1611 года великий военачальник и государственный деятель, покоритель Москвы (боярское правительство, так называемая Семибоярщина, сдало полякам Москву без боя. — **Ред.**) гетман Станислав Жолкевский привёз в Варшаву плённых врагов Польши. Это были русский царь Василий Шуйский и бездарно командовавший русскими войсками его брат Дмитрий Шуйский. Под триумфальной аркой вначале проехал полководец-победитель гетман Станислав Жолкевский, за ним воеводы польских войск, вояки шляхтичи, а в конце царь и русские пленные. Под конвоем, с эскортом польских драгун, их доставили по Краковскому предместью в Королевский дворец, где на совместное торжественное заседание собрались Сейм и Сенат Речи Посполитой. Там присутствовали все депутаты и сенаторы, большинство епископов и воевод, важнейшие политики и военачальники. На троне восседал король, при котором находились примас Польши и великий коронный канцлер.

Русский царь поклонился до самой земли, так что его правая рука коснулась пола, а потом поцеловал эту руку. После Василий Шуйский принёс присягу, признал себя побеждённым и обещал, что Россия уже никогда больше не посягнёт на Польшу. Только после этой церемонии польский король Сигизмунд III Ваза протянул стоящему перед ним на коленях русскому царю руку для поцелуя. В свою очередь князь Дмитрий, командовавший русскими войсками, разбитыми польской армией при Клушине, пал ниц и бил челом перед польским королём, а после принёс такую же присягу, как и царь. Во время всей церемонии на полу перед гетманом-победителем, королём и присутствующими сановниками лежали добытые в Кремле русские знамёна и самое главное из них — царский штандарт с чёрным двуглавым орлом”.

Весьма существенно и то, что автор добавил в конце публикации: “Пишу, чтобы этот исключительный триумф не был забыт: президентом Польши, главой польского правительства и министрами, военными, депутатами и сенаторами, духовенством и журналистами... 400 лет тому назад, 29 октября 1611 года в Королевском замке в Варшаве Польша праздновала самую крупную победу в своей истории...”. Больше таких побед у Польши не было.

Василий Шуйский, который, кстати, к моменту пленения уже был свергнут с русского престола и пострижен в монахи, родины больше никогда не увидел. В 1612 году он умер в плену в Гостынинском замке в 130 километрах от Варшавы. В том же году ушёл в мир иной и его брат Димитрий. В польском заточении в Кремле был уморен голодом и русский патриарх Гермоген. Разве можно было Владиславу, тем более Сигизмунду III Вазе, которому лобызали руку преклонённые Шуйские, в тот момент представить, что наступят времена, более похожие на кошмарный сон: упадок Речи Посполитой, вызванный внутренними раздорами, разделы и исчезновение с политической карты мира того самого государства, которое не только простиралось от моря до моря, но и претендовало на большее. В самом деле, *если хочешь рассместить Бога, расскажи ему о своих планах.*

После раздела Речи Посполитой было многое: участие поляков во всех войнах Наполеона на его стороне, поражение Наполеона в войне с Россией, а вместе с ним и шедших с ним “дванадцати языков”, включая поляков. И, на-

конец, новое появление польского государства на европейской карте в виде Царства Польского, но уже милостью императора той самой России, погибели которой поляки желали, притом не один раз. Не будет преувеличением сказать, что всё, сделанное поляками в наполеоновских войнах, не давало никаких оснований для хорошего к ним отношения со стороны русских властей, а тем паче для восстановления польской государственности. Тем не менее, Александр I сделал это.

Великое Княжество Финляндское возникло на европейской карте на шесть лет раньше – в 1809 году, но тоже после войны, на этот раз – русско-шведской. По Фридрихгамскому договору проигравшая Швеция уступила России в вечное владение земли, на которых проживали финны. Вот тогда-то Финляндия и предстала миру как государственное образование, поскольку княжество Финляндское в составе Швеции хотя и было, однако автономии не имело, а если и перечило Стокгольму, то лишь в результате распри в правящей верхушке королевства Шведского. Добавим, что, учредив Великое княжество Финляндское, царь Александр, дабы добиться большего расположения финнов, в 1811 году прибавил к нему земли, вместе с городом Выборгом, давно уже входившие в состав Российской империи, выкупленные у Швеции ещё по Ништадскому миру 1721 года, которым закончились войны со Швецией при Петре I. За эти земли было заплачено два миллиона золотых талеров – в России их называли ефимками. Петр I, согласившийся на столь громадную по тем временам сумму, издавал даже специальный указ, обязывавший российскую казну все выплаты проводить исправно, дабы “шведское величество” никаких обид и претензий не имело. Ох, дорого обошлась нашему народу эта уступка Александром I финнам Выборга и всего Карельского перешейка: сколько крови советских солдат пролилось там во время боёв за “несокрушимую линию Маннергейма”, воздвигнутую финнами здесь уже в XX веке...

В 1809 году финская государственность, которая благополучно живёт и здравствует поныне, отсчёт своей истории начинала довольно основательно. Хотя денежной единицей княжества был русский рубль, тратиться он мог лишь на нужды Финляндии. На государственную службу русские принимались после получения финского гражданства. У княжества была своя армия, которая могла быть использована только для защиты финских рубежей и, например, в Крымской войне она не участвовала. Своя была у княжества и полиция, которая тоже руководствовалась особыми законами, поэтому В. И. Ленин мог там и съезды проводить, и жандармов российских совсем не опасаться, так как у тех жандармов были, как говорится, руки коротки в силу особенности финских законов, хотя от финской границы до Питера, благодаря “щедрости” Александра I, было всего сорок вёрст. К 1917 году финская государственность была уже основательно отлажена, потому независимость Финляндии от России оставалось только провозгласить, что и было без промедления сделано, как только в России началась революционная смута. От объявления Великого княжества Финляндского под скипетром Александра I по полному финского суверенитета прошло чуть больше ста лет. Кстати, сам вольтерьянец Александр любил повторять, что “Финляндия – это не губерния, Финляндия – это государство”. И всячески поддерживал местных выдвиженцев.

В начале XX века важную роль в окончательном утверждении финской независимости сыграл генерал-лейтенант русской армии Карл Густав Маннергейм, который командовал дивизией на фронтах Первой мировой войны и был близок к Николаю II еще со времен коронации последнего российского императора. В конце 1917 года он стал главнокомандующим и фактическим создателем финской армии, которая успешно, правда, не без помощи со стороны Германии, выполнила задачи, связанные с защитой финской государственности. Кто знает, будь к тому времени жив Карл Маркс или его товарищ Фридрих Энгельс, не дополнили ли бы они своё учение о мировой революции указанием на то, что не только буржуазия взращивает себе могильщика – пролетариат, но делают это и империи, пестуя национальную знать. А уж доживи они до времени, помеченного знаком *Вискулей*, где принималось решение “о прекращении существования СССР как геополитической реальности и субъекта международных отношений”, такой вывод был бы сформулирован обязательно, разве что национальную знать назвали бы по-современному – национальными элитами. Впрочем, необходимо помнить, что русский генерал, а затем финский маршал Маннергейм, утвердивший финскую независимость, в ходе

вспыхнувшей революции от императора всё же не отрекался и до конца жизни на своём письменном столе держал фотографию Николая II с личной надписью царя.

Восстановленное Александром I в 1815 году королевство Польское тоже имело свои законы, правительство, бюджет, армию, созданную, кстати, из частей, воевавших на стороне Наполеона, свою полицию и свою Конституцию. Но была между Польшей и Финляндией и существенная разница. Если в Великое княжество Финляндское вошли все финские земли и даже соседствующие с ними карельские и русские, то в Царство Польское, воссозданное под эгидой Романовых, Австрия и Пруссия не пожелали возвращать польские территории, оказавшиеся под их властью в результате трёх уже упоминавшихся прежде разделов Речи Посполитой. Они лишь согласились – по настоянию русского царя – предоставить им автономию, в результате в составе Пруссии появилось Великое княжество Познаньское, а в составе Австрии – свободный город Краков или Краковская республика. Однако главная разница между Царством Польским и Великим княжеством Финляндским, как показало время, состояла всё-таки в другом: финнов устраивало такое положение вещей, а поляков – нет.

Восстань сейчас из небытия Александр I, он бы многому удивился. Во-первых, что столица Финляндии перенесена в Хельсинки, поскольку Турку, который сначала был столицей, потом признали *чересчур шведским* городом. Двести лет назад в Хельсинки тоже преобладал шведский язык, но сам город считался всё же *более финским*. Русский царь обязательно увидел бы, что на главной площади Хельсинки перед зданием Парламента стоит ему памятник, и узнал бы, что финны вспоминают о нём с благодарностью. Во-вторых, он обязательно удивился бы тому, что в Варшаве не то что памятника императору нет – никто доброго слова о нём не скажет, а ведь ради благополучия Польши он приложил усилий куда больше, чем для благополучия Финляндии. И куда больше его трудов было направлено на то, чтобы поляки помнили его благодеяния. К королевству Польскому он хотел присоединить почти все земли бывшей Речи Посполитой – территории нынешней Украины, Белоруссии, Литвы, а частично даже Латвии с Даугавпилсом – тогда Динабургом, к чему его упорно толкали князь Адам Чарторыйский и другие польские сановники, оказавшиеся в близком окружении императора. Говорят, что эти царские намерения не осуществились только из-за резких возражений русской знати, в частности, известного историка Н. М. Карамзина, к которому император относился с большим почтением.

И, конечно же, царь удивился бы тому, что давно начатая война польско-русских и русско-польских интересов продолжается и в наше время, в чём нетрудно убедиться, полистав нынешнюю польскую прессу или посмотрев польское телевидение. И о чём бы ни шла речь, события всегда рассматриваются с точки зрения того, будут ли они на пользу или во вред России, усилят ли влияние России или ослабят и, конечно же, возрастёт или уменьшится опасность ущемления интересов Польши со стороны России. И не только Польши, но и всей Европы, и всего “цивилизованного мира”, к которому в Польше Россию не относят. Даже такой, на первый взгляд, далёкий от истории польско-русских отношений факт, как открытие в Польше больших запасов сланцевого газа, тоже оценён с точки зрения ослабления российского влияния в мировой экономике. Вот, мол, начнут США с Польшей добывать большие объёмы сланцевого газа – и упадёт цена на газ природный, которым так богата Россия.

По-своему красноречивой была реакция поляков на то, как приняли русские – не власти, а обычные русские люди – известие о катастрофе под Смоленском, в которой погиб польский президент Лех Качиньский и представители высшего руководства Польши, летевшие на траурные мероприятия в Катинь. Когда русские начали нести цветы к польскому посольству в Москве, к месту самой трагедии около Смоленска, то поляков это... удивило. Притом удивило не только рядовых обывателей, но тех, кого по заслугам называют “цветом польской культуры” – элиту. Они – представители этой “элиты” – даже выступили со специальным посланием, в котором и подчеркнули своё удивление этими фактами. Среди них – Даниэль Ольбрыхский, Анджей Вайда и многие другие деятели польской культуры. А ведь, если смотреть в корень, как и советовал когда-то нам Кузьма Прутков, то этим своим удивлением лучшие представители польской общественности ещё раз показали русским своё

высокомерие, дали понять, что не считают их цивилизованным народом. Иными словами, они не ожидали от наших людей душевной боли о безвременно ушедших, поскольку полагали, что русские в силу своей “дикости” не способны на сочувствие и сопереживание. А уж что говорили в Польше о России после той катастрофы!.. Один из польских психиатров назвал это *разновидностью общественной паранойи*.

Поскольку таким настроениям подвержены даже “элиты”, то это можно считать поводом для серьёзных размышлений. В самом деле, в глазах поляков русские редко выглядят достойными людьми. Польский премьер-министр Дональд Туск в сентябре 2011 года в присутствии тогдашнего российского премьер-министра Владимира Путина во время торжеств в Гданьске на Вестерплатте, посвященных 70-летию нападения гитлеровской Германии на Польшу, сославшись на какого-то венгерского автора, заявил, что советские солдаты отнюдь не принесли полякам свободы в 1944–1945 годах, поскольку, дескать, сами не были свободными! Дональд Туск не уточнил, воевал или нет на восточном фронте тот мадьяр, на которого он ссылаясь, но из польской прессы известно, что дед самого “пана премьера” состоял в гитлеровском вермахте. А другой его родственник был в обслуге “Волчьего логова” – главной военной резиденции фюрера во время Второй мировой войны. Именно там 20 августа 1944 года полковник Штауфенберг совершил покушение на предводителя германских нацистов, во время которого тот родственник нынешнего польского премьера был ранен. В госпитальной палате его проводывал сам фюрер, правда, теперь польские газеты пишут, что, увидев Гитлера, раненый притворился, что находится без сознания. Этим он, видимо, “героически” проявил свою оппозиционность... Кто знает, по какой причине, возможно, и по этой, пану Туску было трудно уяснить, что фундаментальная разница между солдатом Красной Армии, изгонявшей фашистов из Польши и других стран, и дедом самого премьера в форме вермахта заключается как раз в том, что красноармеец никогда не смотрел на поляков как на представителей низшей расы, не заявлял, что поляки должны стать рабами у наци, и уж никак не помышлял о том, чтобы вывесить в их городах таблички, запрещающие вход “собакам и полякам”. А именно такие таблички появились в Польше после прихода в Польшу солдат вермахта в 1939 году.

Впрочем, не обязательно обращаться к моментам, связанным с трудными военными испытаниями. Выдающаяся польская актриса Барбара Брыльска после съёмок в советском фильме Эльдара Рязанова “Ирония судьбы, или С лёгким паром” подверглась в своей стране фактической обструкции и *ло иронии судьбы* до сих пор более любима и почитаема в бывших советских республиках, чем на родине. Перечисление такого рода можно продолжать, ведь даже польская смеховая культура – анекдоты, юморески – в значительной мере построена на том, как поляк изгоняет, разоблачает, даже убивает русского... В таком случае, каковы же, резонно спросить, глубинные истоки подобных настроений? Неужели только Катень, где было расстреляно примерно 4,5 тысячи польских пленных? Да, она разожгла огонь едва тлевшей неприязни, который, впрочем, никогда не угасал совсем. Однако после советско-польской войны 1919–1921 годов в польских лагерях от голода, холода и болезней погибло примерно 70 тысяч попавших в плен к полякам красноармейцев. Некоторые источники называют даже бóльшие цифры, хотя польские историки “соглашаются” только на 20 тысяч, несмотря на то, что лишь в одном лагере для советских военнопленных – в Тухоле – умерло более 20 тысяч человек. Приходилось читать, что Катень стала своего рода мстостью за тех красноармейцев. Но суждения самих поляков по поводу судьбы пленных красноармейцев зачастую поразительны. Одно из них – пожалуй, самое типичное, – принадлежит экс-президенту Александру Квасьневскому: их же, мол, не расстреливали, они сами умирали, поскольку болели и мёрзли. Выходит, мёрзли, голодали и болели русские в польских лагерях по собственному желанию, а не потому, что такова была политика тогдашнего польского руководства по отношению к советским пленным. На совещании Верховного командования Войска Польского, которое состоялось 20 декабря 1919 года, майор Янушкевич докладывал, что транспортом из Тернополя было отправлено 700 пленных красноармейцев, однако к месту назначения прибыло только 400 человек. Смертность пленных в данном случае составила 43 процента. Никакой особенной реакции по этому поводу на том совещании не последо-

вало, пишет политолог Вячеслав Швед, поскольку “такая ситуация была воспринята польскими властями как штатная”. Получается, если следовать логике господина Квасьневского, от голода, холода и болезней умирать легче и естественней, что ли, чем от пули.

Впрочем, немало пленных нашли смерть и от польских пуль. В публикациях, посвящённых тем временам, нередко встречаются указания на то, что многие сотни, даже тысячи красноармейцев расстреливались сразу же после пленения. В книге “Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 годах”, изданной в Санкт-Петербурге в 2004 году, приводится выдержка из рапорта командования 14-й Великопольской пехотной дивизии командованию 4-й армии от 12 октября 1920 года. В ней сообщается, что за время боев от Брест-Литовска до Барановичей “взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40 процентов от названного числа...”.

Значит, были “Катыни” и до Катыни. В таком случае, как долго разверзлась пропасть между поляками и русскими? Если такой вопрос неизбежен, то придётся вновь вспомнить о разделах Речи Посполитой, тем более что в тех разделах главную роль обиденное польское сознание приписывает России, хотя любой мало-мальски серьёзный историк, в том числе польский, знает: в ситуации с разделами есть, как минимум, два момента, которые невозможно оставить вне внимания. Момент первый. Не раз отмечалось, что Россия, хотя и боролась за доминирующее влияние в Речи Посполитой, но всё-таки нуждалась в ней как в буфере между своей территорией и Пруссией, потому не была заинтересована в окончательной ликвидации этого государства. Однако императрица Екатерина II вынуждена была присоединиться к процессу раздела, убедившись, что он может случиться и без её согласия и участия, а в таком случае немцы с австрийцами заберут все территории Речи Посполитой, даже те, которые принадлежали Руси ещё в X–XIII веках. Кстати, и сама идея раздела Речи Посполитой возникла сначала у австрийского императора и была поддержана французским и прусским дворами. В этом можно убедиться, читая Павла Ясеницу — одного из самых популярных польских историков XX столетия: “О разделах начали говорить с самого начала 1769 года, а пальма первенства принадлежит Парижу, Берлину, Вене... Все те государства желали успокоения за счёт Речи Посполитой”. Австрия начала отхватывать куски польской короны ещё до заключения всяких трактатов о разделе. Сначала она заняла Спиш, а затем в 1770 году, пишет Павел Ясеница, части таких польских староств (уездов), как Чорштынское, Новотарское, Сондецкое. Узнав об этом, Екатерина II сказала при свидетелях: “Почему бы и всем не взять?”.

С такой точкой зрения соглашался и Валериан Калинка — священник и один из авторитетнейших польских историков XIX века, подчеркнувший, что Россия-то и не стремилась к разделам, что русская царица даже сопротивлялась им, поскольку была занята войной с Турцией и не видела в тех разделах никакой пользы: “. . . Ни она, ни её министры. . . не допускали тогда, что Польшу можно было бы завоевать или разделить и вымарать из числа существующих государств”. Уже в XX столетии польский историк и философ Александр Бохеньский отмечал, что Екатерине II просто необходим был “польский заслон на западе, хранящий её от нападений, но в то же время преданный, зависимый и имеющий силы быть ценным союзником”. Она даже предложила Речи Посполитой увеличить армию до пятидесяти тысяч человек, согласилась выделить на эти цели триста тысяч золотых дукатов, а затем предпринять совместные военные действия против Турции, притом главнокомандующим союзными воинскими силами должен был стать польский король. Однако проект Станислав Понятовский умудрился целый год не реагировать на такой проект, и императрица “вдруг почувствовала себя обманутой”. Потратив два миллиона рублей золотом на польские дела, она могла утешать себя только тем, “что навязала полякам своего короля”, но уже первые годы правления Станислава Понятовского показали, что Россия “не может рассчитывать на Польшу как на союзницу”. И тогда Екатерина на фоне австро-прусского сближения и “под влиянием прусского шантажа оказалась перед альтернативой: потерять гегемонию во всей Польше или согласиться на её раздел с возможностью сохранения гегемонии на оставшихся территориях Речи Посполитой”. Такой, оказывается, была политическая реальность, тем не менее, как выразился

Александр Бохеньский, в современной Польше по-прежнему доминирует “освященная А. Мицкевичем” по своей сути “сказочная схема”, согласно которой роль России в тех разделах была главной.

Вынужденные защищаться, российские историки напоминают, что Россия тогда не взяла ни кусочка собственно польских земель, которые были разделены между Пруссией и Австрией. Екатерина II, выбив медаль “Утраченное возвратить”, как раз это и подчеркнула. Один из самых читаемых в России историков и политологов XX века Вадим Кожин в своем труде “Война и геополитика” подчеркнул, что тогда Россия просто “вышла на свои естественные геополитические границы”. И напомнил, что до XVII века Россия никогда не пересекала и никогда не вступала “на собственную территорию Польши”, в то время как, начиная с XI и по XVII столетие, “Польша многократно вторгалась в пределы Руси”.

Момент второй. Королевство Польское, а затем Речь Посполитую, пытались разделить и раньше, но Россия к тем разделам не имела совершенно никакого отношения. В середине XVII века реальная попытка ликвидировать это государство была предпринята 6 декабря 1656 года. В тот день шведский король Карл Густав X, курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм, литовский князь Богуслав Радзивилл, украинский предводитель Богдан Хмельницкий и семиградский князь Дьердь II Ракоши подписали трактат, согласно которому северная часть Речи Посполитой вместе с Гданьском, теперешней Литвой и северной частью нынешней Беларуси отходили к Швеции, герцогство Бранденбургское (Берлин) получало центральную Польшу вместе с Варшавой, князь семиградский – южную Польшу вместе с Краковом, Богдан Хмельницкий – украинские земли. Все остальное доставалось князю Богуславу Радзивиллу, ещё в октябре 1655 года подписавшему соглашение со шведским королем о подчинении Великого княжества Литовского Швеции. Все остальное – это Новогрудское княжество, выделенное Радзивиллу, кроме того, ему предоставлялась гарантия, что не будут затронуты владения Радзивиллов и в других частях Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского, хотя самому этому княжеству фактически подписывался смертный приговор.

Однако этот трактат не понравился Австрии, так как он вёл к усилению правящего в Берлине курфюрста Фридриха Вильгельма, а также Дании, поскольку Балтийское море превращалось в шведское озеро. Не согласились с ним и ведущие европейские торговые державы: Нидерланды и Англия, – потому что к шведам переходил портовый Гданьск, а через Гданьск тогда шёл весь экспорт зерна из земель Речи Посполитой. Австрия и Дания объявили войну Швеции. Свои меры предприняла и Англия. Общими усилиями заключение этого договора было сорвано. Теперь этот факт забыт всеми, кроме отдельных историков, и спроси поляка, за что он не любит шведа или венгра, тот удивится самому вопросу, поскольку никакой неприязни ни к тому, ни к другому он не испытывает.

Но и эта попытка раздела Речи Посполитой не была первой. Как пишет Павел Ясеница, ещё во второй половине XIV века с этой идеей носился император Священной Римской империи германского народа – предшественницы Австрийской, а затем Австро-Венгерской империи, – Сигизмунд Люксембургский. И тогда до исчезновения королевства Польского, которое уже растеряло многие свои земли на севере и на западе, территория которого сократилась до 100 тысяч квадратных километров, оставалось совсем немного. Спасла польское государство Кревская уния – женитьба Великого князя литовского Ягайло на польской королевно Ядвига и оформленный таким образом союз королевства Польского с Великим княжеством Литовским, Русским и Жмудским, которое к тому времени уже было в сложном положении: его силы были подорваны военной экспансией, направленной “во все стороны света”. Спустя ещё почти двести лет – в 1569 году – Люблинской унией было оформлено унитарное государство Речь Посполитая, которая ещё сильнее привязала княжество к королевству. Забегая вперёд, скажем, что та свадьба и тот союз, начатый в нынешнем белорусском Крево, в Гродненской области, через четыре столетия привели Великое княжество Литовское к летальному исходу.

Став польским королем, великий князь Литовский, а до того времени язычник Ягайло, принял католичество и сразу предоставил католикам преимущества, всеми силами стараясь угодить своим новым подданным в ущерб прежним. Уже в 1387 году Ягайло подписал грамоту, в которой гово-

рилось: “Мы заверяем, принеся священные клятвы, что все народы, которые населяют Литовское княжество, обоих полов, любого сословия или достоинства, будут приведены к католической вере и послушанию святой Римской Церкви. Они будут притянуты туда, призваны и согнаны, в какой бы вере они ни находились”. Согласно этой грамоте каждый литовский боярин, принявший западный вариант христианства, получал значительные привилегии. В частности, боярину-католику гарантировалось полное право распоряжаться своим имуществом по собственному усмотрению, чем ему обеспечивалось равенство с польской шляхтой, у которой такое право уже было, а также право самостоятельно выдавать своих дочерей-наследниц, но только за католиков. Та же грамота и предупреждала, что в случае отказа от католичества и возвращения в Православие исчезала и названная привилегия.

Помимо этого, Ягайло запретил родовитым литвинам принимать Православие. А в 1413 году актом Городельской унии 47 родов ВКЛ были “присоединены” к польским гербам. Хорошо известно, что среди них не было Рюриковичей, не было удельных князей тех земель, которые теперь называются Беларусью. Станислав Мацкевич-Цат пишет, что причиной тому стала их принадлежность к Православию. А это означало, что “правлящей элитой должны были стать не русины и даже не литвины, которые через Православие попали под влияние русской культуры, а лишь те литвины, которые из язычества перешли в католицизм”. В акте Городельской унии говорилось недвусмысленно: “Паны, а также шляхта, бояре нашего княжества Литовского, но только те, которые являются приверженцами римского католического костела и которым приданы достоинства шляхетства, имеют право полученными привилегиями и вольностями пользоваться наравне с панами и шляхтой королевства Польского...”. Польские историки делают однозначный вывод: институт польских гербов сыграл очень важную роль “в ассимиляции Литвы и Руси Польшей”.

Княжество подверглось весьма настойчивой религиозной, политической, языковой и прочим видам экспансии. Уния следовала за унией: Виленско-Радомская, Городельская, Берестейская (не путать с Брестской церковной), Пётрковская, Мельнишская и, наконец, Люблинская, ставящая королевство Польское в безусловно преимущественное положение в отношении с ВКЛ. В 1569 году по итогам Люблинской унии у княжества отняли половину территорий и часть полномочий. А 3 мая 1791 года, фактически тайком от депутатов-литвинов – даже “маршалок конфедерации Великого княжества Казимир Нестор Сапега узнал о готовом уже проекте Закона только за полчаса до открытия сессии” – и абсолютным меньшинством голосов – 120 из почти 500, – сейм Речи Посполитой принял Конституцию, в которой ВКЛ уже даже не упоминалось: Речь Посполитая превращалась из федеративного государства в унитарное. Великое княжество Литовское, Русское и Жмудское тихой сапой ликвидировалось. Правда, нельзя сказать, что литвинов не было в редакционной комиссии, готовившей текст конституции. Были. Например, Юлиан Урсын Немцевич, политик, историк, писатель, но он не счёл нужным информировать Сапегу.

Павел Ясеница принятие той Конституции называет *государственным переворотом*. В исторической литературе есть указания на то, что сейм специально собирался в послепасхальные дни, чтобы не все его делегаты, ослабленные праздником, успели прибыть в Варшаву. Другой польский историк – Ежи Лоек – в своей публикации “Конституция и федерация” говорит, что главной заслугой Конституции 3 мая является “ликвидация в 1791 году федеративного устройства Речи Посполитой и замена его механизмом государства монолитного, государства явственно и исключительно польского... Речь Посполитая перестала быть польско-литовским государством. Стала она... государством исключительно польским... Таким образом, была завершена история федерации, начало которой было положено в 1386 году...”. В современной Польше каждая годовщина Конституции 3 мая отмечается как большой государственный праздник.

О похороненном той Конституцией Великом княжестве Литовском, Русском и Жмудском стоит сказать особо, поскольку оно, сколоченное силами деятельных и амбициозных литовских князей-язычников (кунигасов), но на русской почве, сыграло весьма значительную роль в судьбе как русских, так и поляков, а ещё больше – в судьбе нынешних белорусов, украинцев и литовцев. В середине XIII и в XIV столетии, воспользовавшись ослаблением Руси,

вызванным походами Батыя, кунигасы подчинили своей власти миллион квадратных километров территории, создав самую крупную страну в Европе, которая жаждала стать ещё крупнее. С этой целью долгое время Великое Княжество Литовское одновременно вело войну против крестоносцев на севере, поляков на западе и русских на востоке. Великий князь литовский Миндовг отобрал Киев у татар. Он даже успел короноваться королевской короной в нынешнем белорусском городе Новогрудке. Весьма красноречивую картину тех походов изобразил Адам Мицкевич в своей балладе “Будрыс и его сыновья”, которую на русский язык перевел А. С. Пушкин:

*Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.
Он пришёл толковать с молодцами.
Дети! Сёдла чините, лошадей проводите,
Да точите мечи с бердышами.*

*Справедлива весть эта: на три стороны света
Три замыслены в Вильне похода.
Паз идёт на поляков, а Ольгерд — на прусаков,
А на русских — Кейстут-воевода.*

А теперь снова обратимся к собственно историческим текстам, в частности, к трудам Павла Ясеницы. Действия литовцев, уточняет он, находят объяснение в самой природе их края. Балтийские племена жили на землях не просто бедных, а даже убогих, которые далеко не всегда могли прокормить своих насельников. Именно по этой причине в литовских племенах развилась склонность “к грабительской экспансии, которая была чем-то вроде хозяйственной деятельности”. Речь шла о средствах к существованию. Раз их не хватало на собственных территориях, значит, надо было добыть их у соседей. Именно так Ясеница объясняет события тех лет в своём объёмном исследовании “Польша Ягеллонов”. И не будет большого греха сказать, что в XII–XIV веках Литва – пусть не обижаются нынешние её граждане! – для соседей была своего рода *ордой*.

*С медвежьей шапкой на плечах,
В косматой рысьей шапке, с пухом
Калёных стрел и верным луком...*

Так Адам Мицкевич в своём стихотворении живописал литовцев, которых на Руси было принято сравнивать с половцами. Вспомним, что, к примеру, святому Сергию Радонежскому в его уединении на холме Маковец бесы являлись в образе литовцев. Впрочем, Сергей их не испугался и прогнал силой своей молитвы. Они, как и степняки-половцы, всем соседям несли многие опасности. Грабительские нападения литовцев, подчеркивает Ясеница, постоянно беспокоили жителей и более отдалённых краёв. Дружины кунигасов были настолько сильны, что соседи, узнав об их очередном походе, предпочитали беспрепятственно пропустить через свои территории в Польшу или на берега южных морей, чтобы не нарываться на неприятности, как это делали, например, пинские князья.

Польша, пишет Павел Ясеница, тоже достаточно рано узнала болезненные набеги *литовских орд*. Претерпевали от них территории, расположенные даже к западу от Вислы. Кунигасы со своими дружинами настолько замучили поляков, что однажды те коварным образом умертвили одного из самых (если не самого!) успешных полководцев Великого Княжества Литовского Давыда Городенского – зятя Великого князя литовского Гедимина. Тот Давид, в один голос утверждают исторические хроники, бил всех подряд и был воином настолько самоуверенным, что, отправляясь в поход, посылал гонца с предупреждением: “Нас мало, пощады не будет!”. В 1326 году по просьбе поляков и с участием поляков он совершил кинжальный, как напоминает белорусская историческая энциклопедия, рейд на Бранденбург и Франкфурт-на-Одере. И, как всегда, весьма успешный, хотя в распоряжении Давыда было всего 1200 конников. Домой участники рейда возвращались с богатыми трофеями и вели 6000 пленных. Неплохая добыча – по пять на каждого воина!

Но на обратном пути Давид Городенский был зарезан польским рыцарем Анджеем Гостом. Или Гостем. Или Гостинским. Никто точно не знает, как его звали. Возможно, польский рыцарь или его влиятельные патроны так и не смогли простить Давыду его налёта на Мазовию, который случился двумя годами раньше и во время которого воины Давыда, разумеется, не с цветами к панам приходили. Заметно обезлюдела Мазовия после того похода. И не только потому, что Давыдово воинство многих “на копье взяло”. Весьма многих оно увело в полон.

Как указывает Павел Ясеница, кунигасы в своих походах действовали весьма дифференцированно. Из Польши брали в неволю целыми семьями и поселениями, а затем сажали на землю над Нёманом, Вилией или иными реками, чтобы пленники трудом своим уменьшали нехватку продовольствия в княжестве. Хронисты, отмечает Ясеница, называли столь большие цифры уведённых литвинами в плен поляков, что им – хронистам и их цифрам – историку не очень-то хотелось верить. Тем не менее, он пишет, что когда дочь Гедимины – княжна Альдона – выходила замуж за польского короля Казимира Великого, то в вено – приданое – ей было дано двадцать четыре тысячи освобождённых по этому случаю из литовской неволи земляков. Пункт о возвращении пленников был одним из важнейших и во время переговоров Великого князя Литовского Ягайло о женитьбе на польской королевне Ядвига. По оценкам Ясеницы, ко времени заключения Кривской унии, в результате которой и состоялась та женитьба, в ВКЛ могло находиться до сорока тысяч поляков. А это весьма значительная цифра, подчёркивает историк, если учесть, что самих литовцев – прашуров нынешних – в княжестве насчитывалось “каких-то двести тысяч человек”. Остальные восемьсот тысяч подданных даже в пору расцвета ВКЛ были русичами – предками теперешних русских, белорусов и украинцев, однако вряд ли стоит думать, что те русичи в походах на Польшу и “на все стороны света” не участвовали.

Можно предположить, что уже тогда Западный Буг постепенно становился не только территориальной границей для поляков и их восточных соседей, но ментальной. Ведь впоследствии предки литовцев, белорусов и украинцев, проживая в одном государстве с поляками – Речи Посполитой, – так и не преодолели взаимного недоверия, о чём говорят многие исторические документы, например, письма Николая Радзивилла Сиротки. Этот влиятельный государственный и военный деятель Великого княжества Литовского, владелец белорусского города Несвижа и сотен других белорусских, литовских, польских, украинских поселений, исходил из того, что “нельзя верить ни одному поляку”. Он упорно не желал подписывать Люблинскую унию, отказывался присягать польскому королю Сигизмунду Августу II.

Но, возвращаясь в ВКЛ XIII-XIV веков, стоит подчеркнуть, что ещё больше, чем Польша, привлекали литовских князей русские земли. Привлекали богатствами, накопленными боярами и купцами, да и простые горожане в том же Новгороде не бедствовали. Вспомним строки из баллады Мицкевича в переводе Пушкина: “...жёны их, как в окладах, в драгоценных нарядах; дома полны; богат их обычай...”. В эту сторону ходили кунигасы тоже далеко. В 1225 году они достигли Торжка. В Лаврентьевской летописи сказано, что “тою же зимы воеваша Литва Новгородскую волость, и поимаша множество много христиан и много зла сотвориша, воюя около Новгорода и около Торопца и Смоленка, и до Полотьска, бе бо рать велика, ака же не было от начала миру”. Литовские набеги настолько досаждали новгородцам и псковичам, что Великий Новгород вынужден был посадить в Великих Луках специального князя с дружиной, дабы тот следил за маневрами беспокойных соседей. Временами доходило до невероятного, удивляется Павел Ясеница: в 1236 году псковичи выслали подмогу своим заклятым врагам меченосцам, которые тоже потерпели поражение от литовцев в окрестностях нынешнего Шауляя. Вот как допекали кунигасы. Не случайно автор “Слова о погибели Русской земли” с грустью вспоминал о тех годах, когда “литва из болота нос не высовывала”.

Польский историк приводит конкретные данные, касающиеся числа походов литовских князей. С 1200-го по 1236 год их было сорок четыре: двадцать три – против крестоносцев, упорно вырубавших язычников, пятнадцать – против Руси, остальные – против Польши. После того как Миндовг примирился с рыцарями и даже принял от них католическую веру, хотя ранее в Новгороде, нынешнем белорусском Новогрудке, был крещён по православному

обряду, направления походов существенно изменились. С 1237-го по 1263 год – год убийства Миндовга – литовцы тридцать три раза отправлялись за добычей за границу. Но по Ордену было нанесено уже только пять ударов, по Руси – ровно двадцать, по Польше – восемь. Основным направлением экспансии в течение длительного времени был именно северо-восток – Русь Новгородская, Псковская, а также Полоцкая – не обходить же её. Великий князь литовский Ольгерд в своей переписке с константинопольским патриархом прямо говорил, что его цель – подчинить себе всю Русь. Этот нюанс надо тоже подчеркнуть особо, так как есть основания полагать, что Ольгерд уже тогда уловил главное: если Русь не подчинить всю, то она обязательно воспрянет, что впоследствии не раз и случалось.

В XVII веке, во время русской Смуты, как уже упоминалось, поляки со своими союзниками и вассалами, кстати, предками нынешних литовцев, белорусов, украинцев, захватили даже Кремль, но вскоре им пришлось настолько туго, что случалось даже им *поедать своих соотечественников*. В последнее время высказываются предположения, что тогда же была съедена и знаменитая библиотека Ивана Грозного, которую никак не могут найти. Ведь в те времена книги писали на специально выделанной коже животных, вот и варили в котлах поляки с “литвинами” фолианты да свитки. Весьма интересные воспоминания оставил киевский купец Балыка, переживший осаду Кремля, поскольку пошёл вслед за казаками, бывшими на службе у короля и гетманов Речи Посполитой. Он подробно пишет, как осаждённые поляки “отправляли в котел” пленных, как съели выкопанного из могилы солдата Воронца, как и часа не провисел в петле казнённый за мародерство казак Щербина, потому что его “на шуки разрубили и изъели”. А сам Балыка с приятелем Супруном выжили только потому, что нашли “килька книг пергаменных; тым есмо и травою живилися”.

Однако все эти ужасы совсем не умаляют того факта, что жизнь Московского государства в ту пору висела на волоске. И даже когда опасность миновала, и на кремлёвский престол в качестве нового царя и основателя новой русской династии в 1613 году восходил Михаил Романов, отец царя – Фёдор Романов, впоследствии патриарх Филарет, – всё ещё находился в польском плену. Этот эпизод позволяет нам лишний раз подчеркнуть, насколько Ольгерд почти за триста лет до Смуты справедливо полагал, что **если русским оставить хотя бы какой-нибудь плацдарм для собирания сил, они эти силы обязательно соберут и своё вернут, что они и сделали после завершения Смуты**. Однако справедливости ради стоит заметить, что Смута случилась не столько по “польско-литовской” вине, сколько потому, что заварилась она поначалу в московских головах, но это иная тема.

У Ольгерда тогда тоже не хватило воинских ресурсов, чтобы покорить всю Русь. А ведь если бы это случилось, то, как полагал российский академик Никита Моисеев, вполне возможно, что до берегов Тихого океана простиралась бы не Российская, а Литовская империя. Впрочем, положи руку на сердце, этот вывод сомнителен, ведь, как уже писалось выше, самих литовцев в Литве было не так уж много... Весьма интересны суждения по поводу польско-литовского союза высказал Николай Костомаров в книге “Смутное время Московского государства”. Возвращаясь к свадьбе Ягайло и Ядвиги, он подчеркнул, что “это случилось в то критическое и знаменательное для русского мира время, когда древняя удельно-вечевая союзность отживала свой век, и возникало единовластие в двух пунктах – в Литве и Москве”. Далее историк подчеркивает, что “два русские государства не могли одновременно существовать и развиваться на русской земле”. И поясняет – почему: “Ее (русской земли. – Авт.) география не предоставляла для этого надёжных условий; не было никаких преград, которыми бы естественно обозначались государственные рубежи; ещё более мешал этому давний друг единства – привычка считать русскую землю единой при всяких внутренних разделах... Ни Москва, ни Литва не нашли бы линии, где, по каким бы то ни было правам, начинались владения той или другой. Литва двигалась на восток. Москва – на запад; каждый шаг той или другой располагал их двигаться далее. Литва могла считать себя вправе овладеть всем, чем владела Москва, и наоборот – то же побуждение должно было двигать Москву. Не было другого исхода в их борьбе, как только покорение и поглощение одной другой”.

Однако во второй половине XIV столетия Великое княжество Литовское стало выдыхаться и терять ранее приобретённые территории. Уже Ягайло — сыну Ольгерда — пришлось уступить крестоносцам почти всю Жмудь, северную часть нынешней Литвы, а ведь это — главная родина кунигасов. Поняв, что, имея врагов по всему периметру своих границ, княжеству никак не выжить, Ягайло взялся пробивать брешь в том окружении, при этом он не гнушался никакими средствами для достижения цели. Среди них — союз с Мамаем против Дмитрия Донского, а затем сватовство к дочери того же Дмитрия Донского. Однако самым выгодным показалось ему предложение жениться на польской королевне Ядвиге. Та свадьба спасла от уничтожения сразу два государства: Великое княжество Литовское и королевство Польское. Польшу она избавила от могущественного врага на востоке в лице того самого Великого княжества Литовского, а правители ВКЛ, приняв католицизм, получили направление своих дальнейших действий, ибо они боялись не только усиления Москвы, но и собственных православных подданных, в море которых кунигасы и их соотечественники-язычники могли попросту *раствориться*. А процесс ассимиляции уже набирал силу: всё больше и больше литовских князей, в том числе гедиминовичей и ольгердовичей, принимало Православие, и литовцев вполне могла постигнуть та же судьба, что и монголов, завоевавших в начале XIII века Китай и севших на китайский императорский престол: уже через несколько поколений монголы стали китайцами. Да и Москва усиливалась, и это ничего хорошего не сулило князьям в Вильно.

Но Кревская уния, а затем и Люблинская остановила упряднение этих государств лишь на время, хотя и довольно продолжительное — целых четыреста лет. Ведь Польша, заключив союз с Литвой, а затем стараясь поглотить её, вынуждена была не просто включиться в борьбу тех двух центров, борющихся за подчинение всех русских земель, а взять на себя роль одного из них и стать главным соперником Москвы. И тогда должна была уже пасть или Москва, или Варшава, куда из Кракова в XVI веке перенёс свою резиденцию польский король. Так впоследствии и произошло. Верх взяла Москва, хотя не исключался и иной исход, притом не только в начале XVII века, когда поляки сидели в Кремле, но и во второй половине XV, когда шла борьба за Новгород и Псков, будь тогда порасторопнее да порешительнее польский король Казимир, к которому и обратились новгородцы. . .

Но и эти перипетии не могут быть признаны точкой, с которой началась польско-русское перетягивание каната. Историк Александр Широкоград в книге “Русь и Литва. Юриковичи против Гедиминовичей” пишет, что ещё в 1018 году польский король Болеслав Храбрый, за которого князь киевский Ярослав Мудрый отказался выдать свою сестру Предславу, захватывал столицу Руси Киев. При этом Широкоград сообщает сведения, огласки которых из соображений социалистической политкорректности избегала советская историография. Оказывается, тогда в руки Болеслава попали все женщины семьи Ярослава, в том числе жена и сёстры. Германские хронисты сообщают, что на одной из них — Предславе — “беззаконно, забыв о своей супруге, женился старый распутник Болеслав”. А в Софийской первой летописи говорится об этом даже более определённо: “Болеслав положил себе на ложе Предславу, дочь Владимирову, сестру Ярославлю”.

Тот же Широкоград приводит и более красочное свидетельство польского хрониста, правда, не называя его имени, который утверждает, что князь Болеслав, вступив в Киев, ударил мечом по Золотым воротам города и сказал с “язвительным смехом”: “Как в этот час меч мой поражает золотые ворота города, так следующей ночью будет обесчещена сестра самого трусливого из королей, который отказался выдать её за меня замуж. Но она соединится с Болеславом не законным браком, а только один раз, как наложница, и этим будет отомщена обида, нанесённая нашему народу, а для русских это будет позором и бесчестьем”.

Все женщины Ярославова дома, а также бояре Ярослава были вывезены в Польшу. Дальнейшая судьба Предславы и остальных до сих пор остается неизвестной. Даже такой основательный российский историк XIX века, каким был Сергей Соловьёв, её выяснить не сумел. По этому поводу он говорит только, что “польский князь повёл также с собою бояр Ярославовых, двух сестёр его и множество пленников”. И добавляет, что по дороге “Болеслав захватил и Червеньские города, приобретение Владимира Святого; впрочем,

вероятно, что эти города были уступлены ему Святополком в награду за помощь”. Речь идёт о княжившем в нынешнем белорусском Турове, затем в Киеве князе Святополке, который был братом киевского Ярослава и зятем польского Болеслава, а теперь в истории известен как Святополк Окаянный – убийца родных своих братьев князей Бориса и Глеба.

Но есть основания полагать, что в ещё более ранние времена началось многовековое русско-польское и польско-русское противостояние. Уже в X веке – при родителях Ярослава Мудрого и Болеслава Храброго, киевском великом князе Владимире Святославиче и польском Мешко I – началась борьба за червенские города. Сергей Соловьёв, называя Мешко I Мечиславом, так и пишет: “При Мечиславе начинаются первые враждебные столкновения Руси с Польшей: под 981 годом летописец наш говорит, что Владимир ходил к ляхам и занял их города Перемышль, Червен и другие”. Однако добавляет: “Чешские историки утверждают, что эти города не могли быть отняты у поляков, но у чехов, они основываются на грамоте, данной пражскому епископству при его заложении, где границами его к востоку были поставлены Буг и Стырь”. В то же время Соловьёв приводит мнение немецкого историка Рёпеля, который считал, что Владимир не отнял червенские городки у чехов или поляков, а покорил “малочисленные до тех пор свободные славянские племена”. Соловьёв же, не соглашаясь ни с одним из них, полагает, что Владимир восстанавливал свою власть над теми территориями, которые контролировались киевскими князьями ещё при Олеге, но затем “вследствие недейтельности Игоря” и “далёких походов Святослава на восток и юг” те территории “имели возможность свергнуть с себя подчиненность”. На них-то “Польша при первых Пястах распространила свои владения”. Потому-то в начале пребывания на великокняжеском столе в Киеве “главная деятельность Владимира” состояла “в подчинении тех племён, которые прежде находились в зависимости от Руси”. В те века долгое время роль геополитического раздела между русскими и поляками выполняла река Сань. К востоку от неё даже родилась поговорка: “Помни, ляше, по Сань – наше!”.

Однако и такая долгая история противоборства не даёт полного объяснения природе вражды между поляками и русскими, ибо не меньше столкновений было и в других частях Европы. Например, между французами и англичанами одна из войн называется Столетней. Да и войны между Бранденбургом и Саксонией, которые теперь являются регионами единой Германии, и между Пруссией и Австрией продолжались не меньше. Тогда почему возник столь глубокий разрыв между поляками и русскими? Ответ на этот вопрос, как ни странно, осложняется ещё и тем, что отнюдь не всегда во взаимоотношениях русских и поляков были только грозы, а “средством общения” их – только громы и молнии. В этом смысле весьма любопытно время после наполеоновских войн, в которых поляки принимали самое непосредственное участие на стороне Наполеона. Тогда под водительством французского императора на Москву с оружием в руках шли примерно сто тысяч поляков. Только в составе корпуса, которым командовал генерал-лейтенант и племянник польского короля князь Юзеф Понятовский, ставший впоследствии маршалом Франции, при выходе из Вильно, где начинался тот поход на восток, их было более тридцати тысяч. Правда, назад в Вильно из этого корпуса вернулись всего несколько сот человек... А перед русским походом поляки дрались за дело Наполеона в Испании и на Гаити, где подавляли антифранцузские восстания. Польские кавалеристы, например, так понравились их французскому командиру графу Лассалю, что тот написал для них боевую песню, в которой говорилось о “государстве французов и поляков” в Европе. Вот строки из этой песни:

*Какой народ имеет силу удержатъ их напор?
Поляки, французы, если возьмутся, то умертвят всех.*

О том, что делали поляки в Испании, подробно пишет польский военный историк Збигнев Залусский. Говоря об уланах генерала Конопки, которые четыре года усмиряли эту страну, он подчеркивает, что поляки “дрались, как дьяволы и как демоны зла, жгли, грабили, вешали и, наконец, заслужили у испанцев прозвище “пикадоры, рождённые в аду”. Напоминает Залусский и о том, что резню на улицах Сарагосы, отображенную в картинах великого Франсиско Гойи, тоже устроили солдаты полковника Хлопицкого, который в ноябре 1830 года возглавил польское восстание против Российской империи.

Парадоксально: душитель испанской свободы стал руководителем борьбы за свободу польскую.

Для Наполеона поляки сделали очень много: Наполеона они боготворили. Рассчитывая, что император Франции вернёт им Польшу, они готовы были на любой отчаянный поступок, лишь бы тот заметил их прилежание. В 1808 году, когда испанцы подняли свою герилью – восстание против французских оккупантов – и попёрли с испанского трона даже поставленного Наполеоном короля, который был братом французского императора, Наполеон решил лично возглавить поход на Мадрид. Окольная дорога к испанской столице была далёкой, а прямую, через узкое горное ущелье Сомосьера, закрывала четырёхъярусная артиллерийская батарея. Как только французские войска приблизились на расстояние пушечного выстрела, они понесли серьёзные потери от ударов ядер и картечи. Тогда Наполеон, пишет другой польский исследователь, Мариан Брандыс, приказал эскадрону своей молодой гвардии, состоявшему из поляков, атаковать батарею в конном строю. Один из близких к императору генералов, услышав распоряжение, заметил, что надо быть пьяным, чтобы отдать подобный приказ, а ещё больше надо быть пьяным тому, кто возьмётся его выполнить.

Но польский эскадрон, насчитывавший 120 человек, которым командовал поручик Козетульский, пошёл в атаку. Потеряв более половины убитыми и ранеными (впрочем, Збигнев Залусский приводит иные – меньшие – данные), эскадрон, поддержанный в конце боя другими подразделениями, ту батарею взял. Тринадцатитысячная испанская армия, защищавшая ущелье, разбежалась, бросив оружие, обозы, полковые кассы, успев, однако, повесить своего командующего дона Бенито Сан Хуана, поскольку сочла его предателем. Наполеон после этого снял шляпу перед “храбрейшими из храбрых” и сказал: “Я хотел бы, чтобы все мои солдаты были так же пьяны, как эти поляки”. Впоследствии по Франции ещё долго гуляла поговорка “пьян, как поляк”, которая не имела никакого отношения к употреблению алкоголя. Впрочем, дыма без огня не бывает, возможно, что храбрые польские уланы и выпили перед атакой знаменитой польской водки. . .

А ведь война России с наполеоновской Францией могла стать поворотным моментом для взаимоотношений русских с поляками. Подумать об этом стоит ещё и потому, что то царское отношение к полякам не может не вызвать удивления: оно совсем не напоминает взаимоотношений победителя и побеждённого. Сошлёмся на польские источники – на Мариана Брандыса, написавшего объёмистый том о полковнике Яне Леоне Ипполите Козетульском – том самом Козетульском, который возглавил атаку польского эскадрона на четырёхъярусную артиллерийскую батарею у Сомосьеры в Испании. Книга “Козетульский и другие” насчитывает почти шестьсот страниц и является, по сути, историей польского участия в наполеоновских войнах.

Впрочем, насчёт необычного русского отношения к полякам есть кое-что и у Павла Ясеницы, притом из более ранних времён. В частности, о Суворове, который так напугал поляков в своё время, что им и до сих пор пугают детей в Польше. Вот сценка, рассказывающая о том, что происходило в Варшаве 5 ноября 1794 года сразу после штурма русскими войсками предместья восставшей польской столицы – Варшавы. “В восемь вечера пристал к правому берегу (Вислы. – Авт.) паром, доставивший трёх представителей столичного магистрата. Доминик Бораковский, Франтишек Ксаверий Макарович и Станислав Стжалковский имели при себе письмо Станислава Августа (короля Речи Посполитой. – Авт.), а также письмо муниципалитета, уполномочивающие на начало переговоров о капитуляции Варшавы. Посланцы магистрата предстали перед Суворовым ранним утром 5 ноября. (Ночевали у дежурного генерала и были приняты с подчёркнутой вежливостью.) Командующий сидел перед своей палаткой, одетый в егерский мундир без всяких знаков различия. При виде делегатов поднялся, отстегнул и отбросил в сторону саблю, пошел к каждому со словами:

– Виват, поляки, виват, король, виват, народ!

Расцеловал каждого по очереди: “Ангелы мира, приветствую вас!”

Потом расспросил о здоровье Станислава Августа, несколько раз повторил просьбу передать ему выражения своего почтения, выпил с делегатами водки, разломил хлеб и очень ласково попрощался”.

Интересно, пил бы водку коронный или польный (полевой, походный) гетман Речи Посполитой, то есть командующий её войсками, с украинским повстанцем Богданом Хмельницким? Не стоит задаваться таким вопросом, зная, что атаман Наливайко, попав в польский плен, был попросту зажат. Лучше вновь обратимся к Мариану Брандысу и перенесёмся в 1814 год, во Францию. Наполеон разбит, решается судьба польских формирований, воевавших на его стороне. Направляя бывшего посла Франции в России графа Коленкура на переговоры, Бонапарт поручил ему вести дело к тому, чтобы он “для остатков польской армии добился хороших условий...”. При этом Брандыс отмечает, что “представители Австрии и Пруссии скривились, узнав о пожелании Наполеона, но пересилил Александр... В непосредственных беседах с представителями польского войска царь согласился на то, чтобы все подразделения были объединены в один корпус с сохранением знаков различия: кокард, орлов, украшений... В качестве сборных пунктов определялись местности под Парижем: Сен-Дени и Аржантей”.

А далее — ещё более интересные сведения: “Смотр польских войск Александр провёл 24 апреля в Сен-Дени под Парижем. Молодой, приятный в общении, царь вызвал у офицеров и солдат впечатление целиком положительное. Согласным хором об этом твердят все мемуаристы. Александр открыто старался добиться расположения поляков. Он относился к ним с высочайшим уважением, при всяком удобном случае выражал удивление их мужеством и несгибаемой верностью, оказанной Наполеону. Не жалел обещаний на будущее. Александр привлёк все сердца, писал сразу же после смотра один из его участников, сказав, чтобы офицеры и генералы собрались вокруг него, и меж других красивых слов произнёс:

— Беру на себя святое и торжественное обязательство трудиться во благо вашего счастья.

Другой хроникёр хвалит царя за то, что тактично отлучил от торжеств австрийцев и пруссаков, с которыми поляки чаще всего сталкивались во время последней кампании, подчеркивая, что из деликатности не взял император на тот смотр ни одного иностранца, был окружен только русскими и поляками за исключением нескольких англичан...”.

Кавалерист Микуловский вспоминает: “Начал смотр с нас, раненых, которые в пешем строю стояли на правом крыле. Сошёл с коня и каждого из нас спрашивал: чего желаем, а князь Волконский записывал наши просьбы. Я попросил паспорт для выезда на воды и получил его на следующий день. Потом царь сел на коня и произнёс перед нашим полком похвальные слова... Проехав затем перед всем строем объединенного польского корпуса, отбыл в квартиру генерала Красиньского, где пообедал”.

Такие поступки царя приятно грели польскую душу, пишет Мариан Брандыс и подчеркивает, что, видя скорое поражение Наполеона, служившие ему польские аристократы “всё очевиднее склонялись к давним концепциям восстановления Польши с опорой на царизм”. Они повторяли, что “Польша следует брать от всякого, кто искренне даёт”. И далее: в тонкости рассуждений насчет искренности Александра никто не вдавался, и легко было понять, что те, кто произносит возвышенные фразы, заботились, прежде всего, о том, как избежать конфискации собственных имений... .

К сказанному можно добавить вот что. Оказывается, в последние годы первой Речи Посполитой князь Любомирский, имевший, как и другие магнаты, собственную армию, когда русские войска приблизились к городу Дубно, в котором были складированы большие армейские запасы, написал командующему русскими частями генералу Каховскому специальное письмо. В письме содержалась просьба: Дубно принадлежит ему, Любомирскому, потому князь просил генерала, чтобы тот не очень усердствовал во время штурма и не подвергал опасности это владение. И — о времени, о нравы! — получил такое обещание от Каховского. Правда, надо добавить, что не усердствовал в оборонных действиях и сам Любомирский. Он просто оставил город вместе с запасами. Притом отступал так быстро, что оказался в авангарде бегущих.

Однако снова вернёмся к Мариану Брандысу, в 1814 год, на этот раз в дом магната Станислава Замойского, где собирался весь польский политический свет: генералы, министры, высшая аристократия. “В перерывах между танцами у карточных столиков говорилось преимущественно о политике... Вспоминали все грехи Наполеона перед Польшей, в то же время хвалили “наилучшие

намерения Александра”, который приказал генералу Сакену при заключении договоренностей соглашаться на все польские условия. Некоторые гости, ничем не смущаясь, громко заявляли, что объединение с Александром — единственный способ “сохранить армию и национальное представительство во всех обстоятельствах, которые только могут произойти”. А царь свои обещания выполнял: “Через десять дней после смотра в Сен-Дени были приняты решения, касающиеся дальнейшей судьбы польских солдат. 3 мая Александр учредил организационный военный комитет “для нового устройства армии”. В состав комитета вошли генерал Ян Домбровский, а также... Заёнчек, Князевич, Вельгорский, князь Антоний Павел Сулковский... Кроме того, император взял на себя обязательство освободить всех польских пленных и склонить к этому же остальные государства коалиции. Не забыл он и о невыплаченном за полгода (Наполеоном. — Авт.) жаловании полякам и об иной польской ответственности...”.

К приведенной цитате стоит добавить, что генералы Домбровский, Князевич, Заёнчек участвовали в антироссийском, а значит и антицарском, восстании под руководством Тадеуша Костюшко. Заёнчек занимал высокий командный пост во время обороны Варшавы — при атаке Суворова на её предместье Прагу. Правда, недолго. После того как осколком ему поцарапало руку, он ушёл на левый берег Вислы, а затем и вовсе покинул столицу. Генерал Домбровский был первым из высших польских офицеров, предложивших услуги императору Наполеону, отвергнув приглашение самого Суворова поступить на русскую службу. В Милане он сформулировал Бонапарту идею создания польских легионов во французской армии. Это в честь него была написана “Мазурка Домбровского”, которая и теперь является гимном Польши. В 1812 году во главе крупного отряда Домбровский оборонял от наступающих русских войск Борисов и переправу через Березину. Несмотря на такие “заслуги” перед Российской империей, после разгрома Наполеона он неплохо устроится в этой самой империи, получив повышение в звании до генерала кавалерии, по-нынешнему — генерал-полковника, став ещё и сенатором империи. Генерал Кароль Князевич в битве на Березине командовал корпусом, а перед этим дрался с русскими под Смоленском и при Бородино. После поражения Наполеона это и ему не помешало заседать в Военном комитете под председательством Великого князя Константина — наследника российского трона и брата императора. Никакие репрессии Князевича не постигли. А он, питаясь уже с царского стола, оставался тем же, кем и был. В 1830 году новые польские повстанцы не кого-нибудь, а его послали во Францию за поддержкой. Ничего не добившись, Князевич остался в Париже.

Мариан Брандыс рассказывает и ещё более любопытные вещи, касающиеся уже самого генерала Костюшко, который двадцать лет до этого возглавлял антироссийскую оппозицию. При Екатерине он был посажен в Петропавловскую крепость, правда, сидел не в камере, а в квартире самого коменданта крепости. Потом он был отпущен Павлом I на свободу, получив генеральскую пенсию за пять лет — 60 тысяч рублей, — дорогой сервиз, карету, шубу и 12 тысяч рублей на дорогу. Для того чтобы понять, насколько значимой была эта сумма, сообщим, что в 1817 году выпускник Царскосельского лицея Александр Пушкин был принят на работу переводчиком в архив российского Министерства иностранных дел с **годовым** окладом в 700 рублей.

А вот как Брандыс описывает встречу руководителя восстания с сыном Павла Александром I: “С письмом к царю обратился Костюшко, умоляя его о том, чтобы “объявил общую амнистию для поляков, а крестьяне, разбросанные по другим странам, были признаны свободными и могли вернуться под свои крыши”. Когда через некоторое время старый начальник появился в Париже для поддержки своих просьб в личном порядке, его принимали с наивысшим почетом. Александр выслал за ним карету, расцеловал его, заверил в своих лучших желаниях в отношении Польши. 3 мая на приёме у княгини Станиславы Яблоновской, в доме, в котором только два года назад с таким запалом всех подогревали к войне с русским царём, Козетульский и другие давние знакомые хозяйки были свидетелями непривычного зрелища. Александр с Константином вели под руки Костюшко, а император, торя ему дорогу среди столпившихся гостей, призывал: “Расступитесь, расступитесь, это великий человек!”. В ответе на письмо Костюшко, вручённое ему в тот же день, Александр писал: “Самые дорогие Твои пожелания будут исполнены.

С помощью Всемогущего надеюсь осуществить возрождение мужественного и уважаемого народа, к которому принадлежишь... Ещё немного времени и рассудительных поступков и поляки обретут своё Отечество, своё имя, а я буду иметь удовольствие убедить их, что тот, которого они считали своим неприятелем, забыв о прошлом, исполнит их устремления”.

В конце мая император Александр выразил согласие на перенесение праха Юзефа Понятовского – польского генерала и маршала Франции – из Лейпцига в Польшу. В этой связи Великий князь Константин писал генералу Сокольницкому: “Его Величество Император Всероссийский в ответ на мою просьбу поручил приказать, чтобы прах светлой памяти маршала князя Юзефа Понятовского был передан польской армии для перенесения его в Варшаву... В Варшаве будут отданы особые приказы, чтобы останки этого известного покойника были похоронены с почетом, подобающим его происхождению, достоинству и воинским доблестям...”. Забегая вперед, скажем, что 8 сентября польский корпус вместе с гробом Понятовского подошел к Варшаве. Его встретил русский фельдмаршал Барклай-де-Толли, против которого воевал и князь, уже почивающий в гробу, и все вернувшиеся на родину поляки. Русский фельдмаршал приветствовал их возгласом: “Да здравствуют мужественное польское войско!”. Те отвечали: “Да здравствует Александр, возвративший нам Отечество!”. В самой Польше в это время уже были снижены налоги, уменьшены реквизиции в пользу армии. Как пишет Мариан Брандыс, неутомимый восхвалитель властителей поэт Мартин Мольский гремел в Варшаве в честь Александра: “Кто же, если не Великолепный Наместник Богов на Земле, своей доблестью и милостью сделает нас счастливыми!”.

Вскоре было провозглашено Царство Польское со своим правительством, армией, состоящей из вернувшихся из Франции частей, другими государственными атрибутами. Титул польского короля принял на себя Александр и в том же 1815 году даровал Польше Конституцию. Главой правительства был назначен генерал Заёнчек, которого царь возвёл в княжеское достоинство. А герой Сомосьеры полковник Козетульский стал командиром полка. К сказанному надо обязательно добавить то, что вообще редко упоминается даже в исторической литературе: Царство (Королевство) Польское тогда не стало частью Российской Империи, оно вошло в её состав лишь в 1832 году – после восстания под руководством генерала Хлопицкого, а до этого было связано с метрополией только личной унией. Но когда повстанцы объявили о лишении Николая I польской короны, Николай принял своё решение. Сама же Россия ждала Конституции ещё более столетия, даже не очень чётко представляя, что это такое. Во время восстания декабристов, которое произошло в Санкт-Петербурге через десять лет после завершения наполеоновских войн, солдаты, вышедшие на Сенатскую площадь вместе со своими офицерами, полагали, что Конституция – это жена цесаревича Константина. А поляки, тем не менее, пренебрежительно называли свою автономию “Конгрессувкой”, то есть продуктом Венского конгресса. Не одобрил такого государственного образования и Костюшко. В письме к Чарторыйским он выразил неудовлетворение тем, что королевство невелико, что “такая малая горсть народа не сможет защититься от интриг и противостать силе”.

После этого состоялось еще два польских восстания. Их результатом стало урезание прав Царства Польского. Сначала в 1832 году его Конституцию заменил принятый Николаем I Органический устав, в соответствии с которым ликвидировалась личная уния России и Польши, а Польша включалась в границы Российской империи. Упразднен был польский сейм, польская армия была включена в состав российской, отменялась независимость польских судов. А затем подошло время, когда земли Царства Польского стали по преимуществу именоваться Привисленским краем, хотя формально самого Царства никто не отменял. Кстати, в результате польских восстаний была сначала ограничена, а затем ликвидирована в 1848 году и автономия Великого княжества Познаньского в составе Пруссии, а его территория стала называться Познаньской провинцией. Единственное официальное упоминание о ВКП в прусских документах сохранилось при титулатуре прусского короля, а затем и германского кайзера, возможно, для звучности самого титула. Та же судьба в 1846 году постигла и Краковскую республику, которая была присоединена к Австрии.

Несмотря на то, что Александру не удалось склонить поляков на свою сторону, он всё-таки сделал для них очень хорошее дело, что выяснилось намного позже. После Первой мировой войны по поручению Парижской конференции, которая подводила итоги той войны, приезжала на польские земли специальная делегация, чтобы выяснить, где именно живут поляки, а затем определить границы возрождаемого польского государства, в которое решено было включить только этнические польские земли. Побывав в разных местах, представители той конференции были неподдельно удивлены тем, что поляки обитают преимущественно на территориях, которые входили в состав России. На остальных, отошедших сто с лишним лет назад к Пруссии и Австрии, всё население уже говорило по-немецки. Так что, прими Венский конгресс иное решение, оставь все исконно польские земли в пределах Австрии и Пруссии, как это было сразу же после разделов Речи Посполитой, вполне возможно, что в 1918 году уже некому было бы восстанавливать Польшу.

Такое суждение приходилось слышать не раз. Не в Польше, конечно же. Писал об этом и выдающийся русский философ XIX века Владимир Соловьёв, полагавший, что “в 1814 году Россия **сохранила** Польшу от неизбежного немечивания”. Более того, он отмечал, что “**русское управление доставило Польше, по свидетельству даже иностранных писателей, такое социальное-экономическое благосостояние, какого она не могла достигнуть ни под прусским, ни под австрийским владычеством**”. В своей работе “Великий спор и христианская политика” В. Соловьёв утверждал, что “если бы на Венском конгрессе полномостный тогда император Александр I думал более о русских, нежели о польских интересах, и присоединил бы к России русскую Галицию, а не коренную Польшу, а коренную Польшу возвратил бы Пруссии, то теперь, вероятно, нам не было бы надобности много рассуждать о Польше...”. А Вадим Кожин обращал внимание ещё и на такое обстоятельство: если ко времени восстановления польской государственности на польских землях, входивших в состав Австрии и Германии, поляков “уже почти не было”, то “на землях, принадлежавших России”, их “имелось гораздо больше”, чем ко времени “раздела Польши”.

Царь Александр I в самом деле к полякам относился хорошо и шёл иногда на поступки поистине удивительные. Збигнев Залусский писал, что в последний день “битвы народов”, состоявшейся около немецкого Лейпцига в 1813 году, четыре сотни польских пехотинцев на французской службе, которыми командовал подполковник Мацей Рыбинский, окружённые в болотистой местности, ошалевшие от усталости, тем не менее, отказались вести переговоры о сдаче в плен, заявив, что разговаривать будут только с самим царём Александром. И царь прибыл к ним. И лично принял капитуляцию. А потом распорядился... не разоружать сдавшихся, а с оружием и со своими знаменами отправить их в Варшаву.

Надо полагать, Александр I искренне пытался *засыпать ров*, который образовался между нашими народами в результате многовекового противостояния. Похоже, он надеялся, что хорошее отношение к полякам перечеркнёт в их памяти прошлое и побудит выстраивать свои отношения с русскими по-новому. Император ошибся. Но есть и ещё один аспект тех событий. Подчинив Российской империи коренные польские земли, русские цари всё же переступили геополитическую черту, которая ещё тысячу лет назад разделяла земли русских и поляков. Александр I, а затем Николай I и его преемники ту черту проигнорировали. Если их предшественники на российский престол имели право говорить, что воссоединяют исконно русские земли: “Отторгнутое возвратихь”, — как сказала Екатерина II, то Александр I, Николай I и их последователи, согласившись с Венским конгрессом, утверждать это уже не могли. Было ясно, что они позарились на чужое. Это было уже чересчур, а “цо за дужо, то не здорово” — “что слишком, то не здорово”, — как говорят в Польше. Поляки подкрепили свои умозаключения восстаниями 1830-го и 1863-го годов, в ходе которых *ров* между ними и русскими стал ещё глубже.

Кстати, в современной Польше суждения о тех восстаниях зачастую куда более критичны, нежели в России или, скажем, в Беларуси, где многие продолжают считать Тадеуша Костюшко национальным героем на том основании, что он выходец из белорусских земель, хотя, **победи дело, за которое он так отчаянно сражался, белорусского государства нынче не было бы**. Павел Ясеница замечает, что финны никаких восстаний не устраивали, про-

сто методично укрепляли свою государственность и в удобный момент – в 1917 году – её безболезненно провозгласили и закрепили. Этому у него посвящена целая книга, которая так и называется: “Две дороги”. Сочувствовавший повстанцам Александр Герцен говорил, что поляки теми восстаниями хотели воскресить своего мертвеца. А современный польский политолог, философ и историк, сотрудник Ягеллонского университета и профессор Института философии Педагогической академии в Кракове Бронислав Лаговский считает, что “традиция восстаний – это история определённой части польскоязычной шляхты, не желавшей приспособиться к требованиям государства – ни своего, ни чужого”. Более того, он полагает, что Царство Польское в 1815 году “имело отличный старт”, поскольку “это было государство с хорошей Конституцией, с перспективами и элитой, которая прошла школу Четырёхлетнего сейма и наполеоновских войн. Поляки могли сыграть важную роль в Российской империи, большую, чем занимавшие в ту пору важные посты прибалтийские бароны. Царство давало множество возможностей, но во имя независимости потеряли то, что было в руках”.

Однако есть и еще один вывод, сделанный тоже из самого факта восстаний. И он не менее интересен. Его сформулировал польский философ, историк и публицист XX века, автор книги “История польских глупостей” Александр Бохеньский, мечтавший о демонтаже СССР и о том, что это можно будет сделать силами объединившихся славян-соседей. Вот к какому выводу он пришел: “Год 1863 является пограничным столбом в истории – так важных для нас – польско-российских отношений. Он не привёл ни к какому изменению сил одной или другой стороны; изменение касалось исключительно направления политики царей и, что важнее, психологического расположения русского народа к польскому делу. В течение ста лет от вступления на трон Станислава Августа до январского восстания (1863 год. – Авт.) российские правительства предприняли ряд усилий, правда, неуклюжих, к совместному проживанию с зависимой, затем с покорённой Польшей. От фактической вассальности при Екатерине II, через династическую унию Александра I, Органический устав Николая I и широкую автономию Александра II, все цари шли по линии династического абсорбирования, а не государственного или, тем более, национального поглощения. Та линия несколько раз прерывалась и почти всегда польской стороной. Мотивы прерывания были разные, но им всегда сопутствовала трудолюбиво культивированная и раздуваемая до наивысших границ **иррациональная ненависть** к Москве. С 1863 года ситуация изменилась. Россия и её цари перестали искать пути сожительства с польским народом. Это изменение зашло значительно дальше, нежели политика конкретного государственного мужа или императора, ибо затронула и глубину национальной российской психологии...”.

Похоже, поляки и сейчас ещё живут последствиями того прерывания, культивирования и раздувания “иррациональной” ненависти к Москве. На Минск и Киев это распространяется в той степени, в какой они занимают прорусскую или антирусскую позицию в конкретной политической ситуации. **В сознании многих поляков белорусы и украинцы существуют либо как русские, либо как несостоявшиеся польские подданные и вызывают польские симпатии лишь тогда, когда проявляют антипатии к русским.** Пусть это не всегда так, но достаточно часто.

И все-таки пока остается без ответа главный вопрос: каковы истоки столь сильной польской нелюбви к русским, переходящей в ненависть? Ужель хватило разделов, *катыней* и игнорирования геополитической границы? Ужель так памятен налёт на Киев в XI веке и утерянные плоды побед в начале XVII? Но войны со шведами у русских тоже начались ещё при Александре Невском. Владимир Соловьёв тоже считал, что есть “более глубокая, **духовная** причина вражды”. И вот как пояснял свой вывод: “Польша является в Восточной Европе представительницей того духовного начала, которое легло в основу западной истории. По духовному своему существу польская нация, и с нею все католические славяне, примыкают к западному миру. Дух сильнее крови: не смотря на кровную антипатию к немцам и кровную близость к русским, представители полонизма скорее согласятся на онемечение, чем на слияние с Россией. Западный европеец, даже протестант, ближе по духу к поляку-католику, нежели православный русский... Вражда Польши к России является,

таким образом, лишь **выражением векового спора Запада и Востока**, и польский вопрос есть лишь фазис великого восточного вопроса...". Вывод Владимира Соловьёва состоял в том, что "внешнего примирения с Польшей у нас быть не может ни на социальной, ни на государственной почве".

Со времени написания этих строк прошло почти 130 лет. Прав ли был философ? К сожалению, исторические факты не позволяют упрекнуть его в поверхностности суждений. Белорусам достаточно вспомнить 1941 год – приход гитлеровцев. Первыми свои услуги оккупантам на западных белорусских территориях тогда предложили именно поляки. Как пишет польский историк Ежи Туронк в книге "Беларусь и немецкая оккупация", они напомнили пришельцам, что поляки ближе к немцам по культуре, и вскоре вся местная власть и полиция в оккупированной гитлеровцами западной Беларуси была целиком в польских руках. Резко антибелорусски была настроена и подчинявшаяся польскому правительству в Лондоне **Армия Крайова, руководители которой открыто декларировали, что белорус – это враг, вне зависимости от того, настроен он просоветски, пронемецки или националистически**. Многие формирования польской Армии Крайовой сотрудничали к оккупантам, ведя бои с советскими партизанами и уничтожая местное население. Один только столбцовский батальон АК под командованием Адольфа Пильха, по признанию самого Пильха, уничтожил в окрестностях Минска около **шести тысяч местных жителей**. Таковы факты.

Но после той войны прошло ещё почти семьдесят лет. Что-то изменилось? Вновь приведём цитаты из одной довольно пространной современной статьи. Она посвящена взглядам нынешних поляков на Россию и на её проблемы. Цитата первая: "Отряд чеченских партизан занял школу в этом городе, захватил в качестве заложников несколько сот детей, большинство которых погибли во время штурма, предпринятого российскими силами. Так вот, тон большинства репортажей (польских. – **Авт.**) был и есть таков, что, во-первых, плохо информированный читатель или зритель может быть уверен, будто детей в большинстве убили штурмующие русские, а не чеченские боевики (перед этим их мучившие). Во-вторых, сообщения были (и есть) сконструированы так, что в принципе не проявляется в них тема чьей-либо ответственности, кроме ответственности российского правительства...".

Цитата вторая: "Точно так же обстоит дело с перипетиями вокруг Катюши. Скрупулезно сообщаются и обсуждаются многочисленные связанные с этим преступлением юридические противоречия. Весь обширный контекст проблемы либо замалчивается, либо подается в столь урезанном виде, что польское общество может понять это так, будто бы российские власти либо до сих пор не сказали правды об этом преступлении, либо прямо-таки гордятся им. Что не отдали нам основных (до последнего времени засекреченных) документов. Что Борис Ельцин никогда не говорил слова *простите*".

Цитата третья: "Польские представления о России пронизаны не только лицемерием и враждебностью, но и чувством превосходства. Превосходства цивилизационного... Цивилизационного, если не расового. О том, что русских следует презирать, потому что, цитирую, "там после каждого монгольского нашествия всякая кацапка с брюхом ходила", мне было сообщено впервые, когда мне было 14 лет, и с тех пор время от времени я слышу различные варианты этой мантры. Естественно, слышу, а не читаю, потому что мы же за собой следим, мир таких выражений не любит. Но мы-то знаем, как там оно на самом деле...".

Цитата четвёртая: "Сторонники польской идеологии цивилизационного превосходства, как правило, понятия не имеют о фундаментальных фактах, которые следовало бы принять во внимание, отстаивая столь радикальный тезис. Кто из польских комментаторов, например, знает, что уже в первой половине XVII века в Москве было, по крайней мере, столько же жителей, сколько в ту же эпоху в Кракове, Варшаве и Гданьске, вместе взятых? Это не покажется странным, если не забывать, что ещё раньше, когда Стефан Баторий осаждал Псков, королевский секретарь, ксендз Ян Петровский, при виде этого города (который не был столицей московского царства...) воскликнул:

– О, Боже! Да он не меньше Парижа!

"Город очень большой, – писал он. – В Польше у нас такого нет, стеной окружен, церкви многочисленны и прекрасны, всё каменное!"

Цитата пятая: “Существует сфера, в которой дух народный воплощается безнаказанно и без ограничений. Это фантастическая литература, а в ее рамках и тот жанр, который — по не совсем понятным мне правилам — называется научной фантастикой. Он многое говорит о нынешнем состоянии польского духа. Я мог бы перечислить, по крайней мере, пару десятков, если не больше, современных произведений польских, от романов до коротких рассказов, которые объединяет создание такой реальности, в которой Польша, иногда вследствие принятия правильного (по мнению автора) решения заключить в 1939 году союз с Гитлером, иногда в результате других, более ранних перемен в историческом процессе, на переломе XX и XXI веков является сверхдержавой. Бомбит Сайгон при помощи “Лосей” (самолет, стоявший на вооружении довоенной польской армии и считавшийся одним из лучших в Польше на то время. — **Авт.**) новейшего поколения. Колонизирует Африку. Но прежде всего — и это ключевой элемент — давно уже избавилась от Москвы или России. Избавилась методами традиционными или, иногда, более присущими XX веку... В довольно популярной новелле, ни названия которой, ни автора я не назову из жалости, главный герой — польский офицер, проявивший себя в совместной с немцами кампании против России, — в конце XX века говорит так:

— Американские индейцы, австралийские аборигены, африканские пигмеи тоже не заслужили своей судьбы. Но тут, по крайней мере, (...) мы уничтожили народ, который хотел сделать своих соседей рабами.

Повторяю: **мы уничтожили народ**. Подобных фантазий — иногда менее, иногда более жестоких — я мог бы привести гораздо больше”.

Не исключено, подчеркивает автор этих строк, что приведённые сентенции и являются обратной стороной исторических реалий, ведь у них есть очень важный нюанс: “Они хотят вернуться к такому положению вещей, которое — одни втайне, а другие подсознательно — считают естественным. К положению Речи Посполитой и слабенькой России. Поэтому они и раздувают — как реальные, так и вымышленные — конфликты с Москвой”. Поэтому “в польском мышлении о России доминируют экстерминационные акценты”. **Экстерминация — это искоренение, уничтожение, истребление**, однако автор добавляет, что без колебания употребляет это слово. Потому приведём еще одну цитату и самую страшную: “У меня такое впечатление, что единственное решение, им (российским правительством. — **Авт.**) принятое, которое могло бы удовлетворить поляков, было бы заявление о прекращении существования собственного государства и призыв соотечественников к массовому самоубийству. Тогда на Висле все были бы довольны”....

Можно ли представить, чтобы кто-то посмел написать подобное о поляках? Вряд ли, поскольку был бы вселенский скандал. Выходит, прав был философ Владимир Соловьёв, утверждая, что *ров* между поляками и русскими — это *ров* между Западом и Востоком и что он непреодолим? Но к западному миру относят себя и пограничные нам финны, и чехи, и словаки. К нему причисляют себя и румыны с болгарами, хотя они и православные. Более того, во Второй мировой войне православные румыны воевали против русских — на стороне Гитлера, а православные болгары были врагами России в обеих мировых войнах. Чехи, а вместе с ними и словаки, несколько веков находившиеся под владычеством австрийской, затем австро-венгерской короны, тоже не отсиживались в запасных полках в ходе военных конфликтов между Австрийской и Российской империями. Во время Первой мировой войны их столько оказалось в русском плену, что потом хватило на создание целого чехословацкого корпуса, насчитывавшего многие десятки тысяч штыков. А во Второй мировой словаки уже по собственной инициативе участвовали в агрессии против Советского Союза. В Беларуси до сих пор помнят, как они охраняли от партизан железные дороги. Однако такое неприятие русских, как у поляков, ни у кого больше не сформировалось. И в чём всё же главная причина, если даже военные конфликты — это не главное?

Поиски ответа ведутся, в том числе и в Польше. Потому продолжим цитирование той самой пространной статьи. Её автор — популярный польский публицист, отнюдь не русофил, — Пётр Сквециньский. Он пишет: “К сожалению, я знаю причину, по которой антироссийские фобии сегодня столь распространены в Польше. Дело в том, что поляки — и это у нас из всех пор исходит — не в состоянии смириться с тем, что в XVII веке они потеряли (а Россия при-

обрела) **положение сверхдержавы**. Они считают, что такой поворот истории был не только несправедлив, но что это было следствием случая. Случая, который можно – в благоприятных условиях – исправить”.

Добавим, что попытки подобрать такой случай время от времени делались. Первый маршал Польши Юзеф Пилсудский мечтал о центрально-европейской федерации, которую называл Междуморьем. Он настолько рьяно старался осуществить свой план, что британский премьер Ллойд Джордж называл его главным империалистом в Европе. То Междуморье, к которому так стремился польский маршал, должно было стать буфером между Советской Россией и остальной Европой, непоколебимым стражем западной цивилизации и неустрашимым борцом с варварством, которым опасен Восток. За это, в первую очередь, его и должны были ценить в Европе.

Некоторые нынешние аналитики, например, Н. Малишевский, утверждают, что и в современной Польше продолжает жить идея новой Речи Посполитой, под скипетром которой, хотя бы политическим, вновь оказались бы Белоруссия, Украина, Литва. Мне самому в Варшаве довелось услышать, что Минск, в котором я живу, это “не Беларусь, а Польша”. Иначе говоря, неудовлетворенный имперский дух продолжает будоражить польские умы. И одежды стража западной цивилизации тоже привлекательны. В сентябре 2011 года в журнале “Политика” Януш Тазбир под красноречивой рубрикой “Польша – форпост Европы и христианства” опубликовал статью “Польская твердыня”, в которой говорится, что, оказывается, ещё от битвы под Легницей в 1241-м Польшу “многократно называли избавительницей Европы”. Тогда, под Легницей, польско-немецкое войско под командованием краковского князя Генриха Благочестивого сразилось с татаро-монголами. Несмотря на то, что оно потерпело сокрушительное поражение, сам князь был убит, его голову, нанизанную на копье, степняки принесли к Кракову – тогдашней польской столице, которую тоже монголы захватили, командовавший ордынцами внук Чингисхана Байдар отказался от дальнейшего движения в Западную Европу и повернул на юг, чтобы соединиться с основными силами хана Батыя. . .

Есть желающие возразить? Разве что можно уточнить некоторые нюансы. Похоже, одним из главных истоков польской ревности является шедшая между Россией и Польшей на протяжении многих веков борьба за лидерство в славянском мире. В ходе этой борьбы одна из сторон – Россия – стала государством, с которым многие народы связывали свое существование, например, славяне в Османской и Австро-Венгерской империях. Это её звали на помощь болгары. Это о ней пели младочехи своё “Гей, славяне, с нами Русь!”. А вот Польшу таких слов никто не посвящал. Наоборот, она сама вынуждена была уступать, а затем вовсе перестала существовать больше чем на столетие. Такое трудно простить. В этом контексте понятными становятся слова Юзефа Шанявского о том, что четыреста лет назад, когда был пленён и целовал руку польскому королю русский царь Василий Шуйский, была достигнута главная польская победа. Но если так, то не считается ли главным поражением Польши потеря плодов той победы! . .

Где же выход из исторической ситуации, которой тысяча лет? Похоже, его может подсказать история иных государств, к примеру, древней Греции, в которой тоже было много войн и прочих вооруженных склок, но по окончании каждой войны в действие вступало обязательное для всех правило: **под страхом большой кары запрещалось кому-либо вспоминать об обидах**. Объяснялся этот запрет тем, что память об обидах может стать причиной новых обид. Так не прислушаться ли к совету древних греков, ведь не зря кто-то сказал: они потому и стали древними, что были умными. Вот только хватит ли за Бугом на это ума и сил? Ведь, читая польскую прессу, иногда ловишь себя на том, что если бы даже Путин с Медведевым приехали в Варшаву и, по примеру царя Василия, целовали руку польского президента, то прощения русские всё равно не заслужили бы. По крайней мере, у многих поляков. Накал русофобии, похоже, кое-где даже возрастает. Она уже проникает и в высокое искусство, чего раньше поляки всё-таки себе не позволяли. В многосерийном телефильме “Время чести”, посвященном Второй мировой войне, советский разведчик, оставшийся без связи, кусачками отрывает польскому подпольщику фаланги пальцев, чтобы узнать, где тот прячет рацию. Героический поляк, разумеется, не проронил ни слова! Зато сказал русскому, что он, “красный”, ничем не отличается от “коричневых”. Коричневых и красных теперь в Польше модно ставить на одну доску.

И всё-таки надежда есть. Об этом как раз и свидетельствуют статьи, подобные той, которую опубликовал Пётр Сквечицкий, задумавшийся сам и призвавший поразмыслить о том соотечественников. Автор недвусмысленно указал, что сейчас мяч находится на польской стороне, и даже сослался на социологические исследования: “В польской анкете поражает пессимистический образ польско-российских отношений... Между тем, для подавляющего большинства опрошенных россиян важнейшим событием в общей истории России и Польши является не нашествие поляков на Москву в XVII веке и не война 1920 года, но совместная борьба с фашистской Германией, — писал после таких исследований журналист польского издания *Gazeta Wyborcza*. — Их (русских. — Авт.) образ Польши, хотя и анахроничный, гораздо симпатичнее, чем наш образ России”.

Быть критичнее к себе призывает и другой польский публицист Рафал Земкевич. В книге “Поляцтво”, выдержавшей в Польше уже несколько изданий, он пишет: “На варшавском стадионе “Десятилетия”, который необдуманно переименован в “Базар Европы” (необдуманно в том смысле, что правильнее было бы назвать его “Ярмаркой Азии”), я не нашел ни одного стеллажа с польскими книгами; культурные потребности местных удовлетворяют пиратские компакт-диски и видеокассеты, преимущественно с порнографией. Зато нашёл там четыре обменных пункта российских книг. Столько их понадобилось для обслуживания торгующих на барахолке кацапов, по отношению к которым средний поляк испытывает безграничное чувство цивилизационного превосходства, отыгрываясь ими за комплексы неполноценности по отношению к Западу”.

Процесс переосмысления российско-польских (и наоборот) отношений за Бугом, слава Богу, всё-таки пошёл. Однако не стоит думать, что он будет лёгким. Наоборот, быть ему долгим и даже трудным, уже заметны попытки даже историческое примирение провести по польским лекалам. Почитайте, например, материалы главного редактора *Gazet’ы Wyborcz’ей* Адама Михника, которого в Москве называют не иначе, как “известным европейским интеллектуалом” и “одной из знаковых фигур для отношений наших стран сегодня”. Сам себя Михник называет “антисоветским русофилом” и утверждает, что в России у него больше друзей, чем в Польше, но почему-то считает, что русские испытывают комплекс неполноценности по отношению к полякам, ибо поляки — аристократы, у них есть гордость. На самом деле русский, скорее всего, смотрит на поляка с некоторым удивлением, как на родственника, который часто чудит или бузит.

Михник утверждает, что поляки у русских были “рабами”. Надо полагать, он не знает, что ещё во второй половине XIX века русский чиновник в западных губерниях империи, например, на территории нынешней Беларуси, мог получить выговор от своего вышестоящего начальника-поляка за незнание польского языка. Ведь до третьего польского восстания (1863 год) в делопроизводстве и образовании в этих краях, уже почти сто лет входивших в состав Российской империи, преобладал именно польский язык. Да и неужели кто-то поверит, что *рабом* в той империи был, к примеру, Адам Чарторыйский, возглавлявший при Александре I министерство иностранных дел России. Или, скажем, генерал от кавалерии и генерал-адъютант свиты его величества Лев Радзивилл, пользовавшийся настолько большим расположением и Николая I, и Александра II, что выполнял их самые деликатные и ответственные поручения, умел, как пишут мемуаристы, рассмешить обоих императоров. Вряд ли таковым считал себя и морской офицер Георгий Сигизмундович Пилсудский — кавалер семи русских боевых орденов, отличившийся ещё в русско-японскую войну, командуя катером и батареей морских орудий. Впоследствии в тридцать лет он стал командиром эсминца “Внимательный”, затем командовал эсминцами “Внушительный”, “Мощный”, “Видный”, “Победитель”, а во время Первой мировой войны — целым дивизионом эскадренных миноносцев на Балтийском флоте. В знаменитой битве с германской эскадрой в проливе Моонзунд в 1918 году тот дивизион сыграл весьма славную роль. Этот пример многого стоит хотя бы из-за фамилии офицера. Правда, в 30-е годы она стоила ему жизни.

Однако хуже всего в характере русских для Михника то, что, по его мнению, среди них “часто проявляется полное незнание искусства компромисса, культуры компромисса”. Но разве не русские, начиная с Павла и Александра I, искали компромисс с поляками, о чем недвусмысленно говорил Алек-

сандр Бохеньский? Разве не на основе компромисса, пан Адам, русские смогли объединить в своём государстве полторы сотни народов?..

Очень трудным будет процесс примирения, поскольку в Польше один и тот же политик в одном и том же интервью сначала может высказывать опасение, что русский империализм угрожает Украине, а затем заявить, что Украина должна находиться под польской опекой, как будто бы польская опека никаким империализмом не пахнет. В одной и той же дискуссии, пишет Пётр Сквециньский, её участники сначала заявляют, что угрозы распада для России не существует, а затем могут “хором констатировать, что раздел России... должен произойти”.

Сложно будет *засыпать ров*. В современной Польше по-прежнему сильны те, для кого главным является лозунг: “Никаких уступок русским!”, – кто всякое сотрудничество с Россией считает уступкой России и готов объединиться со всеми, выступающими против неё, скажем, с Румынией. Минувшим летом во время футбольного чемпионата русских болельщиков били только за то, что они русские. Но всё-таки важно то, что все больше интеллектуалов, отсутствием которых никогда не страдала Польша, приходит к выводу, что “историческая политика”, по правилам которой никто не должен расставаться с калькулятором тысячелетних обид, ни к чему хорошему не ведёт. Иными словами, на той стороне Западного Буга начинают понимать, что принцип “нам не повезло с соседями”, как говаривал экс-президент Лех Валенса, не может считаться приемлемым, поскольку нет однозначно положительного ответа и на вопрос, повезло ли соседям поляков на поляков. Даже Смута, считает современный польский историк Героним Граля, может стать импульсом к тому, чтобы посмотреть на неё вместе и найти точки соприкосновения, ведь даже тогда, когда польский гарнизон занимал Кремль, подчёркивает он, не только сабли звенели, не только выстрелы звучали...

Наберёмся терпения. А вдруг император Александр ошибся не на все времена...